

А.А. Романов

A.A. Romanov

*Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь
Tver State Agricultural Academy, Tver*

**РОЛЬ ДИГИТАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В МЕДИЙНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
THE ROLE OF DIGITAL COMMUNICATION IN MEDIA
SPACE OF INFORMATION SOCIETY**

Ключевые слова: коммуникация, медийное пространство, информационное общество, сетевой ресурс, медиареальность

Keywords: communication, media space, information society, network resource, media reality

В статье рассматривается роль цифровой коммуникации в медийном пространстве информационного общества. Автор приходит к выводу, что трансформационное преобразование адресата делают любого человека как объекта информационных медийных атак открытым, практически незащищенным и готовым (подготовленным) к эффективному восприятию «живущих» идей.

The article deals with the role of digital communication in media space of information society. The author concludes that transformative changing of the addressee make any person as an object of information media attacks open almost unprotected and ready (prepared) for an effective perception of "living" ideas.

Цитирование: Романов А.А. Роль цифровой коммуникации в медийном пространстве информационного общества // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 1. С. 1–20. Режим доступа: www.tverlingua.ru

Citation: Romanov A.A. The role of digital communication in media space of information society // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2017. № 1. P. 1–20. Rezhim dostupa: www.tverlingua.ru

*В сто раз грозней и более велик
Меч языка, а не меча язык
Хилоли*

На рубеже 80-х годов XX и нулевых XXI веков отмечен качественный скачок в революционном развитии разнообразных средств массовой коммуникации и разработке высоких технологий информационного (сетевое) охвата различных сфер общества, в котором все и каждый член общества в отдельности обладают навыками и умениями получать, обрабатывать и распространять (транслировать) всевозможные информационные потоки, превращая «информацию в товар массового потребления» с возможностью её успешного «производства и воспроизводства» (Бодрийар, 2007: 202).

Нередко это общество называют «сетевым» или «информационным» обществом, сконцентрировавшим своё внимание на *дигитализации знания* с его спецификой хранения, поиска, переработки, передачи, автоматизированного использования и моделирования. Такое общество характеризуется целым рядом исходных положений, а именно:

а) построением широко развитой сети средств коммуникации и связи как внутри отдельных стран, так и между регионами, странами и даже разными континентами в виде разветвленной системы центров силы управления, воздействия и оперирования массами,

б) созданием в международном масштабе больших информационных пространств и сетевых ресурсов, в частности, «Twitter», «Youtube», «Europe news», «Фейсбук», «Вконтакте», «Одноклассники» и т.п., а также глобальных сетевых проектных программ, таких, например, как «Инициатива цифровые методы» Р. Роджерса, или созданием искусственных информационных сред – программных сред компьютерных сетей, в которых активно реализуются специфические коммуникативные свойства (нестабильность, гибкость, пластичность, эфемерность, недолговечность, способность обучать самого себя) цифрового (дигитального, запечатленного в цифровых показателях и образах электронного) программного обеспечения для изучения миров, отчасти или полностью состоящих из сценариев областей веба, блогов, изображений, социальных закладок поисковых машин, линков и т.п. или сценариев «игр жизни» в контексте организационного, коммуникативного и социального аспектов и преломлений. Отличительной чертой таких сетевых сред является наличие в формализованном виде семантической информации, которой могут обмениваться миллиардные пользователи в виде компьютерных образований, снабженных соответствующими устройствами (чипами), позволяющими компьютерам обмениваться информацией без участия человека. В качестве примера можно привести сетевую среду «Java», используемую, по данным разработчика (фирма «Sun»), в 6 миллиардах компьютеров, что свидетельствует об обмене информацией между компьютерами уже на уровне меметической (замкнутой на себя, сформированной для себя) коммуникации, т.е. коммуникации созданными электронными (дигитальными) копиями самого разнообразного порядка без прямого участия человека, в том числе и электронными копиями духовных и материальных объектов,

в) наличием в мире определенных перемен как в скорости распространения информационного обмена, так и в технологиях его управления, связанных с так называемой «третьей – информационной – волной», в терминологии Элвина Тоффлера (2004), а также появлением и интенсивным развитием глобальной сети Интернет, во многом способствующей, с одной стороны, ускоряющемуся процессу глобализации и единению культур экономических и геополитических пространств, а с другой стороны, приобретающей для них все более разрушительные качества, что приводит, кроме всего прочего, к впечатляющему росту информационного противоборства во всех сферах деятельности человека: в социальной,

политической, экономической и культурной. В этой связи важно учесть выдвинутое Республикой Куба на всемирной конференции ЮНЕСКО в Гаване в 1998 году предложение считать культуру «оружием XXI столетия» (подробнее см.: Беккер, 2002: 6).

Уместно также подчеркнуть, что в США, например, начиная с 2003 г., активно реализуется идея создания «киберинфраструктуры», в которой, по мнению Е.Ю. Журавлевой (2013: 88), приставка «кибер» более всего применяется «в военно-политическом контексте, как то кибервойны, киберкоманда, кибершпионаж, киберполициейские, кибератака» и т.п. Не остался без внимания специалистов и тот факт, что ВВС США изменили свою миссию, дополнив её следующими словами: «летаем, сражаемся и побеждаем ... в воздухе, пространстве и киберпространстве» (Official Web site of the US Air Force [http:// www.af.mil/ main/ welcome.asp](http://www.af.mil/main/welcome.asp)),

з) усилением влияния на различные системы отношений между людьми, регионами, странами и культурами, что обуславливает рост соперничества и открытого противостояния за бенефициарную ресурсную базу и репутационный капитал в различных сферах жизнедеятельности человека (Романов, 1995: 4; Романов, Малышева, 2015; Романов, Романова, 2015; Романов, Романова, Морозова, 2015),

д) широким внедрением новых (революционных) интерактивных технологий в массмедиа глобальной системы публичных коммуникаций, позволяющих каждому пользователю не только создавать или посылать образы, но и просто получать их в большом количестве извне (т.е. из глобального информационного пространства) «демассифицированными» (термин Э. Тоффлера), создавая тем самым иллюзию передачи средств информации и коммуникации и контроля за ними в руки отдельного человека как рядового потребителя информации с целью одновременно повысить его индивидуальную значимость и тем самым ещё больше углубить разобщенность получателей информации, ибо, как известно, персонализация информации не только усиливает её значение, но и делает такую информацию более удобной для восприятия индивидом, потому что, сообщая информацию, он вольно или невольно передаёт и своё отношение к ней, обусловленное его собственной системой ценностей. Отмечается в этой связи, что когда человек получает информацию от другого человека, «она воспринимается объёмнее, глубже и надёжнее, чем информация, передаваемая через неодоушевлённый источник» (Тоффлер, 2004: 213-214; Toffler, 1990),

е) «демассификацией» и дигитализацией (т.е. запечатленных в цифровых коммуникациях) образов или их копий, позволяющих персонально каждому потребителю информационных посланий «примерять» на себя образ той или иной сложности и демонстрировать его миру, чтобы тем самым ускорять продвижение к новым сконструированным или «срежиссированным» образам, делая членов общества непохожими друг на друга с целью отделить каждого от усвоенного им прошлого опыта и воздействовать на изменения, обусловленные социальным характером

индивида, а именно: развитие определенных личностных черт и подавление других, овладение манипулятивной технологией переформатирования сознания и вывода его на уровень «аноэтического» знания (т.е. уровня «знания о незнании»), осуществляя тем самым изменение всех нас при помощи деструктивного и управляющего воздействия,

ё) революционным преобразованием как внешнего информативно-коммуникативного, так и внутреннего, личностного пространства индивида с очевидным проявлением восприятия изменений не только его (пространства) временной структуры, но и изменением самого чувства длительности времени, которое становится еще более индивидуализированным и менее универсальным, и его единичности, а также расширенным представлением личностного и социального пространства при помощи быстрого и эффективного распространения «вирусных» понятий или «живущих идей», например, таких как «абсолютная / полная демократия», «права человека», «мультикультурализм» и интенсивным возрастанием технологий в овладении персонального и массового сознания. Реструктуризация времени, по мнению Э. Тоффлера (2004: 214), имеет свои социальные последствия, ибо «когда мы имеем дело со временем, – мы имеем дело со всем человеческим опытом» и, изменяя понятие времени, мы изменяем опыт,

ж) переходом от одной технологической основы к другой и возрастанием овладения коммуникаторами технологией апеллирования к сознанию индивида, преобразованием и адаптацией («революционизированием», по Э. Тоффлеру) внутреннего ментального пространства человека таким образом, что мир, в который он вступает (проникает, размещается и поселяется), становится миром виртуализации образа жизни и все более удаленным от прошлого опыта. В своей удалённости и единичности человек всё активнее оперирует (руководствуется) расширенным и расплывчатым представлением личностного и социального, теряя тем самым выработанную опытом устойчивую связь с ними (ср. в этой связи понятие «конец социального» у Жана Бодрийара (2007: 227)). Последнее достигается массивной совокупностью конкретных средств коммуникации, посредством которых коммуникатор (будь-то спин-доктор, манипулятор, пропагандист или обыкновенный отправитель информационных посланий или практик-сообщений) способен в информационном пространстве воздействовать на получателя (реципиента, адресата) и контролировать его реакцию. Такая совокупность средств коммуникации в информационном пространстве с учётом интернет-технологий (электронная почта, новостные ленты, блоги, подкасты, флеш-мобы и др.) способна образовывать так называемое «информационное поле» публичных (массовых) коммуникаций. Используя информационное пространство в качестве «публичного» посредника (медиума), у коммуникатора возникает возможность «играть» на конкретном информационном поле по своим правилам и достигать изменения в структуре массового сознания, поскольку любые коммуникативные

практики-послания реализуются в той или иной части информационного поля с целью влияния на массового потребителя.

Приведенные выше наиболее характерные черты информационного общества приводят к «серьёзному изменению инфосферы», сталкиваясь с которой, человек «обречен на трансформирование собственного сознания, т.е. того, как мы осмысляем свои проблемы, как обобщаем информацию, каким образом предвидим последствия наших поступков и действий ... и как изменяем эмоциональный склад собственного ума», тем самым «добавляем социальной системе совершенно новый уровень коммуникации» (Тоффлер, 2004: 159).

Отсюда у индивида, погруженного в образный медийный мир информационного пространства (т.е. в медиареальность), возникает *кажущаяся свобода* от прежнего («старого») мира, граничащая с вседозволенностью в оценках, поведении, суждениях, *жесткая* и *бескомпромиссная категоричность*, сопряженная с экстремистской резолютностью и убежденностью в правоте своих действий, поступков, мнений, и *абсолютная несдержанность* в проявлении своих выражений и чувств, в пренебрежении к историческому прошлому, что благоприятным образом сказывается на внутренней готовности (психологической открытости) человека к активному восприятию и распространению достаточно привлекательных абстрактных понятий, «*мемов*», «*живущих идей*», «*регулятивов*» и «*метарегулятивов*, прошивающих насквозь как индивидуальное, так и массовое сознание», таких, например, как «абсолютная свобода», «абсолютная объективность / правдивость СМИ», «всеобщие права человека», «свобода слова», «свобода – равенство – братство», «честные выборы», «полное гендерное равноправие», «всеобщая толерантность», «защита демократии», «образ жизни», «право (монопольное) на применение любой силы», «принуждение к миру», «национальное превосходство», «общечеловеческие – европейские, американские – ценности», «Украина – это Европа», «США – оплот демократии в мире» и других, им подобных (подробнее см.: Романов, 1986; 1987а; 1988; 1988а; 1988б; 1988в; 2002; 2002а; Романов, Малышева, 2012; 2015; Романов, Романова, 2015; Romanov, Novoselova, 2015; Romanov, Romanova, 2012; о курьёзах употребления ряда таких «вирусных / живущих идей», как, например, «всеобщая толерантность» и «полное гендерное равноправие» подробнее см.: Романов, Морозова, Носкова, 2007: 193; Шаров, 2010).

В этой связи также отмечается почти одновременное широкое изменение в понимании и оценке роли не только технологий, средств и методов коммуникативного манипулирования информацией (т.е. «области всеохватывающего гипноза / манипуляции», по Ж. Бодрийару), но и значимости манипулятивного вторжения (т.е. коммуникативного механизма их «имплантирования») как в индивидуальное, так и общественное сознание. В этом плане примечательным отражением такого измененного (т.е. «нового») мышления является функционирование понятия «*реальная виртуальность*» или «*виртуальная реальность*» для обозначения и описания

той или иной ситуации, когда освещение в СМИ какого-либо события приобретает для массового адресата бóльшую социальную значимость, чем само это событие. И здесь уже находят своё проявление не только процессы «демассификации образов», но и процессы «демассификации цивилизации», отражением и «усилением которой являются средства информации», что влечет за собой появление («выброс») «огромного объёма информации, которой мы обмениваемся» (Тоффлер, 2004: 153-154). Ж. Бодрийар назвал феномен ситуации такой информационно-коммуникативной активности «эффективностью знаковой атаки на массу» или «бомбардировкой масс смыслами» (2007: 212-213). И в этой непростой ситуации, подчёркивает Карл Ясперс, «сущности человека угрожает собственный, созданный им мир» (2007: 156). Не об этом ли ещё в 1923 году пророчески предупреждал поэт Максимилиан Волошин в одном из своих произведений:

«И он...

К запретным тайнам подобрал ключи,
Освободил заклепанных титанов,
Построил им железные тела,
Запряг в невероятную работу:
Преобразил весь мир, но не себя
И стал рабом своих же гнусных тварей...
Что человек, освобождая силы
Извечных равновесий вещества,
Сам делается в их руках игрушкой...
К прыжку из человечества –
К последнему безумью –
К пересозданью самого себя».

Спустя 70 лет Элвин Тоффлер так в нарратологической манере охарактеризовал процессы «демассификации образов» и «демассификации цивилизации», осуществляемые путем вброса «огромного объёма информации, которой мы обмениваемся», где, «масса, – по Бодрийару (2007: 213), – является медиумом, более мощным, чем все средства массовой информации»: «Трудно отыскать смысл в этой бурлящей фантасмагории, понять, как происходит процесс производства образов, поскольку информационная – Третья – волна не просто ускоряет информационные потоки, она трансформирует глубинную структуру информации, от которой зависят наши ежедневные действия. Средства массовой информации сами становятся демассифицированными. Эти централизованно разработанные образы, впрыснутые в массовое сознание средствами массовой информации, способствовали стандартизации нужного поведения... По мере ускорения перемен в обществе изменяемся и мы сами. Нас настигает все новая информация, и мы вынуждены постоянно пересматривать картотеку образов. Старые, относящиеся к прошлой жизни образы, должны заменяться новыми, иначе наши действия не будут соответствовать новой реальности, мы станем более некомпетентными. Невозможно все охватить. Некоторые визуальные образы, например, были так распространены среди масс и так

имплантированы в память миллионов людей, что превратились по сути дела в иконы (Тоффлер, 2004: 153-154; Toffler, 1990).

И хотя сегодня «новая», «информационная» или «виртуальная» реальность ещё не даёт (т.е. не преподносит) в готовом виде «ментальную модель реальности», тем не менее, оказываясь в её коммуникативно - информационном пространстве, «мы вынуждены, – подчёркивает Э. Тоффлер, – постоянно формировать её и переформировывать». При этом демассифицированные «новые средства информации отражают и ускоряют этот процесс» переформатирования, демассифицируя одновременно и «наше сознание» (2004: 153-154; ср.: Бодрийар, 2007: 213-214; Fiske, 1991; 1993). Правда, одновременно с этим процессом может показаться парадоксальным то, что, оказываясь в ситуации переформатирования ментальной модели реальности посредством «смысловой бомбардировки», люди в то же время становятся всё более индивидуализированными, разобщенными и всё в большей и большей степени нуждаются в получении новой информации в виде конкретных «сигналов» и «ключей» (т.е. подсказок в виде готовых схем поведения – А.Р.), «чтобы предвидеть, хотя бы в общих чертах, как они собираются поступать» по отношению к себе и другим (Тоффлер, 2004: 153-154).

В результате «мнения по какому-либо вопросу – от поп-музыки до политики – становятся менее унифицированными. Консенсус пошатнулся. На личностном уровне нас осаждают и ослепляют противоречивыми и не относящимися к нам фрагментами образного ряда, которые выбивают почву из-под ног наших старых идей, и обстреливают нас разорванными и лишёнными смысла «клипами», мгновенными кадрами. По сути дела, мы живем в «клип-культуре» (Тоффлер, 2004: 153; Бодрийар, 2007: 213-215; ср. также: Fiske, 1991; 1993; Toffler, 1990). И этот «клиповый» мир, сконструированный информационными образами, приходит быстрыми темпами на смену прежнему миру. Однако переход от одного мира к другому далеко не прост, ибо если человеку представляется (мыслится, думается, утверждается, подтверждается), что прежний мир пришёл в упадок и его идеи уже кажутся не востребованными или умершими, «то человек будет скрыт от себя до тех пор, пока он в своём созидании не обретет в мире вновь идущую ему навстречу идею» (Тоффлер, 2004: 153; Бодрийар, 2007: 213-215).

Поэтому, чтобы быть самим собой в «новом» мире – пусть даже и в придуманном кем-то, виртуальном, «клиповом» или информационно - сконструированном, «кадрированном» мире медиареальности, – человек будет в большей степени устремлен к поиску новых – возможно, парадоксальных или разрушительных – идей, так как он нуждается в другом, «позитивно наполненном мире» и существование в настоящем, спасти его не может (Ясперс, 2007: 156). Вероятно, по этой причине в сложившейся ситуации перехода от одного мира к другому – т.е. от «старого» мира к «новому» – человек становится уже достаточно «подготовленным» и открытым к встрече с такими новыми идеями, которые будут

соответствовать (подходить к) его субъективным представлениям о нём. И в этом процессе более значимой и важной оказывается роль тех коммуникативно-информационных средств, которые будут способны эффективнее и интенсивнее других массмедиа проникать в ментальное пространство личности, группы, социума, закрепляться в нем и его «рефлексивно перестраивать» (Пиаже, 1983: 93-94).

По всей вероятности, природа быстрого («клипового») распространения и эффективного проникновения с последующим «имплантированием» в массовое сознание «живучих идей», нередко именуемых «мемами» (Докинз, 2012; Менегетти, 2002; Dawkins, 1976; Brodie, 1996), «регулятивами и метарегулятивами» (Романов, 1984; 1988; 2002; 2002a; 2015; подробнее о соотношении понятий «мем» – «регулятив» – «метарегулятив» см.: Романов, Малышева, 2012; 2015; Романов, Романова, 2015; Романов, Романова, Морозова, 2015; Романова, Романова, Новоселова, 2015; Romanov, Romanova, 2012), не в последнюю очередь связана с изменением временного характера (т.е. «кадрированным», «клиповым» ускорением и перестройкой) процесса коммуникативно - информационного «становления образов внутри нас», где «идеи, верования и отношения, как ракеты, врываются в наше сознание и внезапно исчезают в никуда» (Тоффлер, 2004: 144; ср. также: Бодрийар, 2007: 213-214; Ясперс, 2007: 156; Fiske, 1991; 1993), оставляя, однако, на любых конкретных носителях (потребителях и реципиентах коммуникативно-информационных посланий в том числе) свои информационно-смысловые «следы» для их последующей репликации и ауторепликации, для того чтобы затем атаковать и «психически заражать» – в трактовке Б.Ф. Поршнева (1974) и Р. Доукинза (Dawkins, 1976) – сознание самыми разнообразными, в том числе и противоречивыми политическими, социальными и моральными установками, воззваниями, лозунгами, призывами и обещаниями. В этой связи уместно заметить, что «психическое заражение» рассматривается не просто как «непроизвольно - автоматическое» подражание или также как «произвольное, избирательное» подражание, но и как «внушение» (суггестия) посредством слова» (Поршнев, 1974: 163-170; о словесной суггестии см. также: Романов, Черепанова, 1999).

Из этого следует, что эффективная информационная бомбардировка «психически заражёнными» знаками различного плана и порядка способна в корне менять как восприятие внутреннего мира индивида, так и его поведение и психику, потому что каждый адресат создает свою «ментальную модель действительности» из привнесенных информационными потоками сконструированных образов (образов-конструктов, образов-копий): либо визуальных, либо слуховых, либо тактильных. Важно иметь в виду, что при этом одни образы могут быть простыми, другие – сложными, а иные – концептуальными. Последние подобны ментальным репрезентациям фреймового типа (см.: Романов, 1983; 1984; 2015; Петренко, 2002; 2012). Говоря о ментальных репрезентациях, уместно и целесообразно отметить интересную трактовку Дж. Фодором понятия «ментальной репрезентации»

как конституента «языка мышления», отражающего «внутренние состояния» человека – верования, мнения, восприятия, оценки и др., которые причинены или каузируются определенными стимулами и которые, в свою очередь, причиняют или каузируют определенные виды поведения и другие внутренние состояния (Петров, 1990).

В то же время, несмотря на свою дробность, эти образы могут быть связаны воедино в рамках ментальных конструктов или фреймовых конфигураций и способны дополнять и расширять индивидуальную картину мира, помещая индивида в конкретное коммуникативное пространство, время, место и определяя (формируя) тем самым его статус и значимость в структуре личностных взаимоотношений и коммуникативных проявлений (Романов, 1982: 115-117; 1984: 102-104; 1986: 12-15; 1991: 82-85; 2005: 98-125; Малышева, 2015; Малышева, Романов, 2012; Романов, Романова, 2015; Romanov, Malysheva, 2015).

В бомбардировочной «психически заражёнными» или «вирусными» (Brodie, 1996: 13-22) знаками (посланиями) медийной коммуникации взаимодействие её участников (отправителя и получателя) может осуществляться, по крайней мере, в трех ипостасях (моделях, сферах), где процесс коммуникативной интеракции как целенаправленной связи способен в имплицитном виде (без осознания, суггестивно и спонтанно) опираться на понимание коммуникации как (а) некоторого энергоинформационного обмена (термин А. Менегетти), как (б) бессознательного проецирования и как (в) внутри личностного процесса (подробнее см.: Романов, Малышева, 2012: 159-163). Уместно заметить, что каждая из указанных сфер будет при этом описывать (отражать) «как бы «сценарий» того ближайшего общения, в процессе которого оно родилось» (Волошинов, 1993/1925: 78-80; 1930; см. также: Романов, 1988).

Однако важно иметь в виду, что сам коммуникативный обмен преимущественно реализуется в рамках «дискретного» диалого-организующего начала, т.е. как речевая форма естественного взаимодействия. Примечательно при этом, что в качестве основного коммуникативного механизма сферы энергоинформационного обмена, т.е. сферы (а), выступает процесс «психического заражения», в терминологии Б.Ф. Поршнева; кстати, термин «психическое заражение» был введен в обиход В.В. Бехтеревым в 1898 г., который, однако, не получил ещё развернутой интерпретации и должного осмысления в контексте разнообразия современных медийных коммуникаций (о сходных терминах «психический вирус» Р. Броди или «регулятив» и «метарегулятив» А.А. Романова и их различии см.: Романов, Романова, 2015; Brodie, 1996).

Тем не менее, для более глубокого понимания и анализа отношений между отправителем и адресатом медийных посланий важно учитывать близость (сходство) психотипических свойств личностей коммуникантов, так как психотипам участников коммуникативной интеракции важно не замыкаться на какой-то одной из обозначенных сфер или какой-то одной из конкретных моделей коммуникативного взаимодействия, а целесообразно

опираться на комплексный характер всего модельного (а, б, в) ряда. В частности, возможно использование модели энергоинформационного подхода, одним из положений которого является представление о том, что процесс понимания партнерами по коммуникативному взаимодействию обусловлен имплицитной настройкой энергетических контуров или степенью соответствия открытости энергетических центров общающихся людей (ср.: Менегетти, 2002: 108-118).

При этом важно иметь в виду, что если у партнеров по коммуникативной интеракции обнаруживается такое соответствие, то получатель понимает не только то, что содержательно сообщается в медиасланиях (т.е. понимает пропозициональную составляющую выразительного высказывания, сообщения, послания, дискурсивного коммуникативного комплекса), но он также принимает, осознает и разделяет с отправителем интенциональную и иллокутивную направленность таких медийных сообщений (Романов, Ходырев, 2001). Иначе говоря, психотипическое родство отправителя с получателем медийного послания выступает своего рода посредником (проводником, медиамостом) между ними и способствует трансформации последнего из отстраненного потребителя и постороннего наблюдателя в активного соучастника событийного ряда коммуникативных практик новой, сконструированной медиареальности. В этом случае адресат начинает терять свою персональную идентификацию и вопросы «для чего» и «зачем» («с какой целью» и «каким образом»), персонально-идентифицирующие его в координатах интенционально-иллокутивной ориентации «я – здесь – сейчас» практически теряют свою актуальность, растворяясь в массе образов принятой им новой, сконструированной отправителем электронной медиареальности. Этому процессу способствует эффективное использование определенных медийных коммуникативных практик (языковых конструкций), которые при помощи формальных иллокутивных показателей речевых актов выражают своеобразный мир отношения между отправителем и адресатом, маркируя эти отношения соответствующими знаковыми показателями различного типа (Романов, Ходырев, 2001: 38-52).

Практически в этом же ключе может быть востребована и квантово-релятивистская модель сферы взаимодействия (б), характеризующая коммуникативный процесс и отношения между его участниками посредством целенаправленного установления «порядка через флуктацию» (Петренко, 2012: 91-92), в котором мир флуктационных виртуальных образов-копий, представляет собой не образ реальных отношений предметного мира, а, скорее, голограмму, паттерн, электронный архетип, имплицитный порядок виртуальных образов созданной (сконструированной) деперсонализованной реальности. В этом смысле флуктационная разносторонность деперсонализованной медиареальности также не может не способствовать трансформационному преобразованию адресата в поглощенного электронными копиями медийных образов получателя, который, растворяясь в массе электронных образов - копий (киберобразов) принятой им новой,

сконструированной отправителем медиареальности, превращается из отстраненного потребителя и постороннего наблюдателя в активного соучастника событийного ряда коммуникативных практик новой, сконструированной киберобразами медиареальности.

Таким образом,

1) отмеченная выше специфика информационного (сетевое) общества с развитой сетью электронных медийных коммуникаций, информационно бомбардирующих сознание адресата «психически заражёнными» знаками-посланиями различного характера и приводящих к результативной подмене реальности на сконструированную деперсонализированную реальность электронных образов-копий (киберобразов) сетевых сред,

2) вовлеченность адресата в глобальные сетевые программы с их специфическими свойствами нестабильности, гибкости, пластичности, эфемерности, недолговечности и способности обучать самих себя, в которых структурируется управляемое либо из единого центра, либо из любой точки социально-сетевой системы инициативно-активное и объединенное общими – политическими, социальными, экономическими, научными, просветительскими – интересами (ср., например: «Инициатива цифровые методы» Р. Роджерса, проект «исследовательские игры» Foldit в биологии с финансовой поддержкой Министерства обороны США, проект игры «Galaxy Zoo», привлекший около 100 000 добровольцев с их техническим оснащением или планируемый к открытию под руководством Образовательного и научно - исследовательского института ООН, Женевского университета и Европейской организации по ядерным исследованиям проект «Центр граждан кибернауки», который нацелен на разработку приложений проекта для гуманитарных и фундаментальных исследований) и зависимое от СМИ и «информационных потоков» сетевое сообщество *геймеров* – «играющих в сетях людей»), *юзеров* (user – человек, использующий возможности информационных технологий, пользователь), *сетян*, *чатлан* – «гражданин сети Интернет» или «*netizen*» (неологизм, образованный в результате соединения слов citizen и net), *neet* («человек, живущий в Сети»), а также *волонтеров*, «*граждан науки*», *добровольцев* и обычных сетевых пользователей, тратящих, по данным Nielsen-Netrating, в среднем 43% времени на поиск информации в сетях (<http://nielsen.com/us/en.html>),

3) скорость распространения и обработки информационных потоков, способствующих крушению прежних целей, установок и идей и каузирующих выбор «нового мира», наполненного новыми позитивными образами и смыслами, а также

4) трансформационное преобразование адресата, поглощенного электронными копиями медийных образов, готового и способного в корне менять своё личное восприятие внутреннего мира, поведение, психику и оценочное структурирование (форматирование) в координатах «я – здесь – сейчас» своей «*ментальной модели действительности*» из привнесенных информационными потоками сконструированных образов (образов-

конструктов, образов-копий), в которой человек приобретает уже «иное» информационно-коммуникативное бытие, смещая ценности реального мира в пространство иллюзорности и чувственно-эмоциональную сферу электронных образов-копий с потерей прежних моральных регуляторов и размещая себя в «новом жизненном мире» сетей, сетевых сред, проектов, игр различного порядка (от научных, до развлекательных), своих законов, отношений, свобод и прав, своих авторов и своих потребителей, своей терминологии и знаковых форм выражения и общения, делают любого человека как объекта информационных медийных атак открытым, практически незащищенным и готовым (подготовленным) к эффективному восприятию «живущих» идей, прошивающих насквозь индивидуальное и массовое сознание, коммуникативно-функциональную и информационно-медийную специфику которых с позиции постструктуралистских идей Ж. Бодрийара попытался концептуально осмыслить в разделе «меметический подход» одной из своих работ Дж. Фиск (Fiske, 1991: 55 - 67; см. также Fiske, 1993).

С учетом возросшего в современных условиях интереса к вопросам эффективности применения медийно-коммуникативного ресурса в сфере информационного воздействия представляется целесообразным в последующем подробнее рассмотреть истоки обозначенного Дж. Фиском подхода, а также сопоставить такие широко используемые в ряде работ понятия, как «меметическая информация», «меметическая коммуникация», «меметичность», «меметика», «мем» и другие, сходные с ними понятия, например, «регулятив», «метарегулятив», «регулятивность», «регулятивная деятельность», чтобы уточнить и описать функционально-регулятивную природу вербального воплощения «прошивающих насквозь» людское сознание идей, т.е. «живущих идей», «идей-стартеров», «метарегулятивов» или «мемов» и выявить механизм формирования, аутораспространения и саморазмножения в коммуникативном медийном пространстве «обманных» смыслов посредством переноса соответствующих (сконструированных) «прошивающих сознание идей-регулятивов».

Литература

1. Бауман З. Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Беккер К. Словарь тактической реальности. Культурная интеллигенция и социальный контроль. Пер. с нем. – Vienna: Selene, 2002. – 61 с.
3. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. – СПб.: Издание К.Л. Риккера, 1908. – 175 с.
4. Бехтерев В.М. Гипноз, внушение, телепатия / Сост., авт. вступ. статьи и примеч. Г.Х. Шингарев. – М.: Мысль, 1994. – 364 с.
5. Бодрийар Ж. Фантом современности. Тени молчаливого большинства, или конец социального // Ясперс К., Бодрийар Ж. Призрак толпы. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 180–280.

6. Волошин Максимилиан. Избранные стихотворения. – М.: Советская Россия, 1988. – 384 с.
7. Волошинов В.Н. Конструкция высказывания // Литературная учеба. – 1930, № 3. – С. 65–87.
8. Волошинов В.Н. Фрейдизм и современные направления философской и психологической мысли (Критическая ориентация). Серия «Бахтин под маской». – М.: Лабиринт, 1993 / 1925. – 120 с.
9. Докинз Р. Эгоистичный ген. Пер. с англ. Н. Фоминой. – М.: АСТ: Corpus, 2012. – 512 с.
10. Журавлева Е.Ю. К типологии методов интернет-исследования // Вопросы философии. – 2013, № 5. – С. 84–93.
11. Малышева Е.В., Романов А.А. Тактильная коммуникация в диалоге (вербально-кинестетический аспект). – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. – 170 с.
12. Малышева Е.В. Кинестетические регулятивы английской диалогической речи. – М. – Тверь: Ин-т языкознания РАН, ТИПЛиМК, 2015. – 147 с.
13. Менегетти А. Онтология и меметика. Пер. с итал. Е. Ус. Под общ. ред. П. Бернабей. – М.: Психологическое издательство, 2002. – 149 с.
14. Мисонжников Б.Я. Массмедиа как субъект формирования глобального катастрофического сознания // Глобализм в системе категорий современной культурологической мысли. – СПб.: Янус, 2005. – С. 240–254.
15. Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологические науки. – 2002, № 3. – С. 112–121.
16. Петренко В.Ф. Базовые метафоры как геном (зародыш) будущей теории (на материале психологической науки) // Вопросы философии. – 2012, № 4. – С. 97–98.
17. Петров В.В. Джерри Фодор: Когнитивное измерение мышления // Концептуализация и смысл. Сб. научн. тр. – Новосибирск: Сиб. отд-ние, 1990. – С. 227–232.
18. Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 90–101.
19. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. – М.: Наука, 1974. – 487 с.
20. Романов А.А. Фреймовая семантика в аспекте автоматической обработки текстов // Международный семинар по машинному переводу. Тез. докл. – М.: Всесоюзный Центр Переводов ГКНТ СССР, 1983. – С. 199–190.
21. Романов А.А. Стратегический синтаксис как составная часть иллюкутивной грамматики // Прагматический аспект грамматической структуры текста. Тез. докл. – М.–Днепропетровск: Ин-т языкознания АН СССР, Днепропетровский гос. ун-т, 1987. – С. 34–37.
22. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. Пособие по теоретическим курсам. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.

23. Романов А.А. Стратегический принцип распределения регулятивных действий в типовом диалоге // Текст в речевой деятельности: Перевод, автоматическая обработка, лингвистический анализ. Сб. научн. трудов / Отв. ред. А.А. Романов, А.М. Шахнарович. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988а. – С. 106–118.

24. Романов А.А. Прагматограмма как форма реализации иллокутивных знаний в диалогическом тексте. // Когнитивная и коммуникативная структура текста. Функциональный анализ. Мат. научн. совещания (Днепропетровск, октябрь 1991 г.). – М. – Днепропетровск: Ин-т языкознания АН СССР; Днепропетровский гос. ун-т, 1991. – С. 37–40.

25. Романов А.А. Иллокутивные знания и прагматограмма диалогического текста // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц. – Воронеж: ВТУ, 1991а.

26. Романов А.А. Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста // Текст в коммуникации. Сб. научн. трудов / Отв. ред. проф. А.А. Романов, проф. А.М. Шахнарович. – М.: ИЯ АН СССР, 1991б. – С. 82–100.

27. Романов А.А. Человек, мир и язык в гуманитарной парадигме // Человек говорящий / Homo loquens: Язык. Познание. Культура. Межвузовск. сб. научн. трудов / Отв. ред. проф. А.А. Романова. – М.–Тверь: Ин-т языкознания РАН, ТИЭМ, 1995. – С. 3–5.

28. Романов А.А. Языковой портрет политика в суггестивной парадигме // ARS LINGUISTICA. К 75-летию профессора И.П. Сусова. Межвузовский сб. научных трудов / Отв. ред. проф. А.А. Романов. – М.–Тверь: Ин-т языкознания РАН, ТИЭМ, 2002. – С. 23–30.

29. Романов А.А. Политическая лингвистика: Функциональный подход. – М.–Тверь: Ин-т языкознания РАН; ТГСХА, 2002а. – 191 с.

30. Романов А.А., Романова Л. Мемезис перформативного знания о функционировании естественно-языковых практик [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2011, № 2. – С. 66–71. – Режим доступа: tverlingua.ru.

31. Романов А.А. Матричная технология в манипулятивной Интернет-коммуникации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.jf.spbu.ru/conference/3090/3107.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., 17.03.14.

32. Романов А.А. Спин-докторинговая реализация ментальных репрезентаций в Интернет-коммуникации // Язык, коммуникация и социальная среда. – Language, Communication and Social Environment: Ежегодное научное издание / под ред. К.М. Шилихиной. Вып. 13. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2015. – С. 87–116.

33. Романов А.А., Малышева Е.В. Суггестивная природа тактильной коммуникации в диалоге // Функциональная лингвистика. Научный журнал. – Крым: Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования. – 2012, № 4. – С. 159–163.

34. Романов А.А., Малышева Е.В. Манипулятивная коммуникация в системе сетевых «информационных войн» // Жизнь языка в культуре и социуме – 5. Материалы международной научной конференции. – М.: Канцлер, 2015. – С. 225–226.

35. Романов А.А., Морозова О.Н., Носкова С.Э. Quo vadis, Deutsch? Разговор с изучающим современный немецкий язык. – Тверь: Агросфера, 2007. – 222 с.

36. Романов А.А., Романова Л.А. Меметический механизм конструирования медиа-смыслов информационного противостояния [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015, № 3. – С. 1–16. – Режим доступа: tverlingua.ru

37. Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Меметическая информация как механизм «обманной» коммуникации [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015, № 4. – С. 5–13. – Режим доступа: tverlingua.ru

38. Романов А.А., Романова Л.А., Новоселова О.В. Конструирование медийных смыслов информационного противостояния // Функциональная лингвистика. VII Международный крымский лингвистический конгресс «Язык и мир» (Ялта, 5 – 8 октября 2015). Сб. научн. докладов. – Симферополь: ООО «Форма», 2015. – С. 284–287.

39. Романов А.А., Ходырев А.А. Управленческая риторика. – М.: Лилия, 2001. – 216 с.

40. Романов А.А., Черепанова И.Ю. Суггестивный дискурс в библиотерапии. – М.: Лилия ЛТД, 1999. – 128 с.

41. Романова Л.А. Конструктивная семантика криптокласса английских прилагательных размера в диахронии и синхронии. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. – 120 с.

42. Романова Л.А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка. – М.–Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2009. – 180 с.

43. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»», 2004. – 445 с.

44. Шалак В.И. Логический анализ сети Интернет. – М.: Ин-т философии РАН, 2005. – 96 с.

45. Шаров К.С. На тёмной стороне политкорректности: гендерно - нейтральный новояз // Вопросы философии. – 2010, № 3. – С. 30–43.

46. Ясперс К. Власть массы // Ясперс К., Бодрийар Ж. Призрак толпы. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 10–186.

47. Brodie R. Virus of the Mind: The New Science of the Meme. – Seattle: Integral Press, 1996. – 192 p.

48. Dawkins R. The Selfish Gene. – Oxford: University Press, 1976 (Revised Edition 1989). – 352 p.

49. Fiske J. Television and Postmodernism // Curran J., Gurevitch M. (eds.) Mass Media and Society. – London: Edward Arnold, 1991. – P. 55–67.

50. Fiske J. Television Culture. – London and New York: Routledge, 1993. –

353 p.

51. Official Web site of the United States Air Force [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2017. – Режим доступа: [http:// www.af.mil/ main/welcome.asp](http://www.af.mil/main/welcome.asp), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 01.03.17.

52. Romanov A.A., Malysheva E.V. Frame organization of kinesthetic interaction in dialogue // *Massachusetts Review of Science and Technologies*. – 2015, № 2 (12), (July – December), Vol. VI. “MIT Press”. – P. 431–436.

53. Romanov A.A., Novoselova O.V. Communicative Construct of the Composite Threat-performatives // *Procedia: Social and behavioral Sciences (XV International Conference «Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations», LKTI 2015, 9–11 November 2015, Tomsk; Russia)*. – 2015. – P. 71–75.

54. Romanov A.A., Novoselova O.V. Construct of threat discourse in Russian politics // *GLOBE. East-West European Forum on Discourse: Past, present and future of discourse studies*. Warsaw, 14-16 May, 2015. Book of Abstracts. Ed. by K. Broś & G. Kowalski. – Warsaw: University of Warsaw, 2015a. – P. 53.

55. Romanov A.A., Romanova L.A. Mimesis and performative knowledge of use social practices in the communicative space homo loquens // *Interdisciplinary Researches in The 21-st Century: Creation and Creativity in a modern European education. Conference Proceedings*. – Oradea: Editura universității Emmanuel in Oradea (Romania), 2012. – P. 322–325.

56. Romanov A.A., Romanova L.A. Composite performatives as types of social semiosis's cryptoclass // *Collection: Modern Approaches to Linguistics, Literature and Cultural Studies*. Vol. 2. – Sandy, Utah (USA); Centre for Research, Resources and European Studies: Eco Academic Publishing House, 2012a. – P. 207–214.

57. Toffler A. *The Third Wave*. – New York: Bantam Books, 1990. – 540 p.

(1 п.л.)

References

1. Bauman Z. *Tekuchaja sovremennost*. – SPb.: Piter, 2008. – 240 s.
2. Bekker K. *Slovar takticheskoy realnosti. Kulturnaja intelligencija i socialnyj kontrol*. Per. s nem. – Vienna: Selene, 2002. – 61 s.
3. Behterev V.M. *Vnushenie i ego rol' v obshhestvennoj zhizni*. – SPB.: Izdanie K.L. Rikker, 1908. – 175 s.
4. Behterev V.M. *Gipnoz, vnushenie, telepatisija / Sost., avt. vstup. stati i primech. G.H. Shingarev*. – M.: Mysl, 1994. – 364 s.
5. Bodrijar Zh. *Fantom sovremennosti. Teni molchalivogo bol'shinstva, ili konec socialnogo* // Jaspers K., Bodrijar Zh. *Prizrak tolpy*. – M.: Algoritm, 2007. – S. 180–280.
6. Voloshin Maksimilian. *Izbrannye stihotvorenija*. – M.: Sovetskaja Rossija, 1988. – 384 s.
7. Voloshinov V.N. *Konstrukcija vyskazyvanija* // *Literaturnaja ucheba*. – 1930, № 3. – S. 65–87.

8. Voloshinov V.N. Frejdzizm i sovremennye napravlenija filosofskoj i psihologicheskoj mysli (Kriticheskaja orientacija). Serija «Bahtin pod maskoj». – M.: Labirint, 1993 / 1925. – 120 s.
9. Dokinz R. Jegoistichnyj gen. Per. s angl. N. Fominoj. – M.: AST: Corpus, 2012. – 512 c.
10. Zhuravleva E.Ju. K tipologii metodov internet-issledovanija // Voprosy filosofii. – 2013, № 5. – S. 84–93.
11. Malysheva E.V., Romanov A.A. Taktilnaja kommunikacija v dialoge (verbalno-kinesteticheskij aspekt). – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. – 170 c.
12. Malysheva E.V. Kinesteticheskie reguljativy anglijskoj dialogicheskoj rechi. – M. – Tver: In-t jazykoznanija RAN, TIPLiMK, 2015. – 147 s.
13. Menegetti A. Ontologija i memetika. Per. s ital. E. Us. Pod obshh. red. P. Bernabej. – M.: Psihologicheskoe izdatelstvo, 2002. – 149 s.
14. Misonzhnikov B.Ja. Massmedia kak subekt formirovanija global'nogo katastroficheskogo soznaniya // Globalizm v sisteme kategorij myslej v sovremennoj kulturologicheskoj mysli. – SPb.: Janus, 2005. – S. 240–254.
15. Petrenko V.F. Konstruktivistskaja paradigma v psihologicheskoj nauke // Psihologicheskie nauki. – 2002, № 3. – S. 112–121.
16. Petrenko V.F. Bazovye metafory kak genom (zarodysh) budushhej teorii (na materiale psihologicheskoj nauki) // Voprosy filosofii. – 2012, № 4. – S. 97–98.
17. Petrov V.V. Dzhherri Fodor: Kognitivnoe izmerenie myshlenija // Konceptualizacija i smysl. Sb. nauchn. tr. – Novosibirsk: Sib. otd-nie, 1990. – S. 227–232.
18. Piazhe Zh. Psihogenez znaniy i ego epistemologicheskoe znachenie // Semiotika. – M.: Raduga, 1983. – S. 90–101.
19. Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoj istorii. Problemy paleopsihologii. – M.: Nauka, 1974. – 487 s.
20. Romanov A.A. Frejmovaja semantika v aspekte avtomaticheskoi obrabotki tekstov // Mezhdunarodnyj seminar po mashinnomu perevodu. Tez. dokl. – M.: Vsesojuznyj Centr Perevodov GKNT SSSR, 1983. – S. 199–190.
21. Romanov A.A. Strategicheskij sintaksis kak sostavnaja chast illokutivnoj grammatiki // Pragmaticeskij aspekt grammaticheskoi struktury teksta. Tez. dokl. – M.–Dnepropetrovsk: In-t jazykoznanija AN SSSR, Dnepropetrovskij gos. un-t, 1987. – S. 34–37.
22. Romanov A.A. Sistemnyj analiz reguljativnyh sredstv dialogicheskogo obshhenija. Posobie po teoreticheskim kursam. – M.: In-t jazykoznanija AN SSSR, 1988. – 183 s.
23. Romanov A.A. Strategicheskij princip raspredelenija reguljativnyh dejstvij v tipovom dialoge // Tekst v rechevoj dejatel'nosti: Perevod, avtomaticheskaja obrabotka, lingvisticheskij analiz. Sb. nauchn. trudov / Otv. red. A.A. Romanov, A.M. Shahnarovich. – M.: In-t jazykoznanija AN SSSR, 1988a. – S. 106–118.

24. Romanov A.A. Pragmatogramma kak forma realizacii illokutivnyh znanij v dialogicheskom tekste. // Kognitivnaja i komunikativnaja struktura teksta. Funkcional'nyj analiz. Mat. nauchn. soveshhanija (Dnepropetrovsk, oktjabr 1991 g.). – M. – Dnepropetrovsk: In-t jazykoznanija AN SSSR; Dnepropetrovskij gos. un-t, 1991. – S. 37–40.

25. Romanov A.A. Illokutivnye znanija i pragmatogramma dialogicheskogo teksta // Pragmaticheskie aspekty funkcionirovanija jazykovyh edinic. – Voronezh: VTU, 1991a.

26. Romanov A.A. Illokutivnye znanija, illokutivnye dejstvija i illokutivnaja struktura dialogicheskogo teksta // Tekst v komunikacii. Sb. nauchn. trudov / Otv. red. prof. A.A. Romanov, prof. A.M. Shahnarovich. – M.: IJa AN SSSR, 1991b. – S. 82–100.

27. Romanov A.A. Chelovek, mir i jazyk v gumanitarnoj paradigme // Chelovek govorjashhij / Homo loquens: Jazyk. Poznanie. Kul'tura. Mezhvuzovsk. sb. nauchn. trudov / Otv. red. prof. A.A. Romanova. – M.–Tver': In-t jazykoznanija RAN, TIJeM, 1995. – S. 3–5.

28. Romanov A.A. Jazykovoju portret politika v suggestivnoj paradigme // ARS LINGUISTICA. K 75-letiju professora I.P. Susova. Mezhvuzovskij sb. nauchnyh trudov / Otv. red. prof. A.A. Romanov. – M.–Tver': In-t jazykoznanija RAN, TIJeM, 2002. – S. 23–30.

29. Romanov A.A. Politicheskaja lingvistika: Funkcionalnyj podhod. – M.–Tver': In-t jazykoznanija RAN; TGSZA, 2002a. – 191 s.

30. Romanov A.A., Romanova L. Memezis performativnogo znanija o funkcionirovanii estestvenno-jazykovyh praktik [Elektronnyj resurs] // Mir lingvistiki i komunikacii: elektronnyj nauchnyj zhurnal. – 2011, № 2. – S. 66–71. – Rezhim dostupa: tverlingua.ru.

31. Romanov A.A. Matrichnaja tehnologija v manipuljativnoj Internet-kommunikacii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://rus.jf.spbu.ru/conference/3090/3107.html>, svobodnyj. – Zagl. s ekrana. – Jaz. rus., 17.03.14.

32. Romanov A.A. Spin-doktoringovaja realizacija mentalnyh reprezentacij v Internet-kommunikacii // Jazyk, komunikacija i social'naja sreda. – Language, Communication and Social Environment: Ezhegodnoe nauchnoe izdanie / pod red. K.M. Shilihinoj. Vyp. 13. – Voronezh: Nauka-Junipress, 2015. – S. 87–116.

33. Romanov A.A., Malysheva E.V. Suggestivnaja priroda taktilnoj komunikacii v dialoge // Funkcional'naja lingvistika. Nauchnyj zhurnal. – Krym: Krymskij republikanskij institut poslediplomnogo pedagogicheskogo obrazovanija. – 2012, № 4. – S. 159–163.

34. Romanov A.A., Malysheva E.V. Manipuljativnaja komunikacija v sisteme setevykh «informacionnyh vojn» // Zhizn jazyka v kulture i sociume – 5. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – M.: Kancler, 2015. – S. 225–226.

35. Romanov A.A., Morozova O.N., Noskova S.Je. Quo vadis, Deutsch? Razgovor s izuchajushhim sovremennyj nemeckij jazyk. – Tver: Agrosfera, 2007. – 222 s.

36. Romanov A.A., Romanova L.A. Memeticheskiy mehanizm konstruirovaniya media-smyslov informacionnogo protivostojaniya [Elektronnyj resurs] // Mir lingvistiki i kommunikacii: elektronnyj nauchnyj zhurnal. – 2015, № 3. – S. 1–16. – Rezhim dostupa: tverlingua.ru
37. Romanov A.A., Romanova L.A., Morozova O.N. Memeticheskaja informacija kak mehanizm «obmannoj» kommunikacii [Elektronnyj resurs] // Mir lingvistiki i kommunikacii: elektronnyj nauchnyj zhurnal. – 2015, № 4. – S. 5–13. – Rezhim dostupa: tverlingua.ru
38. Romanov A.A., Romanova L.A., Novoselova O.V. Konstruirovanie medijnyh smyslov informacionnogo protivostojaniya // Funkcionalnaja lingvistika. VII Mezhdunarodnyj krymskiy lingvisticheskiy kongress «Jazyk i mir» (Jalta, 5 – 8 oktjabrja 2015). Sb. nauchn. dokladov. – Simferopol': OOO «Forma», 2015. – S. 284–287.
39. Romanov A.A., Hodyrev A.A. Upravlencheskaja ritorika. – M.: Lilija, 2001. – 216 s.
40. Romanov A.A., Cherepanova I.Ju. Suggestivnyj diskurs v biblioterapii. – M.: Lilija LTD, 1999. – 128 s.
41. Romanova L.A. Konstruktivnaja semantika kriptoklassa anglijskih prilagatelnyh razmera v diahronii i sinhronii. – M.: In-t jazykoznanija RAN, 2007. – 120 s.
42. Romanova L.A. Strukturno-semanticheskie aspekty kompozitnyh performativov v funkcional'noj paradigme jazyka. – M.–Tver: In-t jazykoznanija RAN; Tverskaja GSHA, 2009. – 180 s.
43. Toffler Je. Tretja volna. – M.: OOO «Firma «Izdatel'stvo AST»», 2004. – 445 s.
44. Shalak V.I. Logicheskij analiz seti Internet. – M.: In-t filosofii RAN, 2005. – 96 s.
45. Sharov K.S. Na tjomnoj storone politkorrektnosti: genderno - nejtralnyj novozjaz // Voprosy filosofii. – 2010, № 3. – S. 30–43.
46. Jaspers K. Vlast massy // Jaspers K., Bodrijar Zh. Prizrak tolpy. – M.: Algoritm, 2007. – S. 10–186.
47. Brodie R. Virus of the Mind: The New Science of the Meme. – Seattle: Integral Press, 1996. – 192 r.
48. Dawkins R. The Selfish Gene. – Oxford: University Press, 1976 (Revised Edition 1989). – 352 r.
49. Fiske J. Television and Postmodernism // Curran J., Gurevitch M. (eds.) Mass Media and Society. – London: Edward Arnold, 1991. – P. 55–67.
50. Fiske J. Television Culture. – London and New York: Routledge, 1993. – 353 p.
51. Official Web site of the United States Air Force [Elektronnyj resurs]. – Elektron. dannye. – 2017. – Rezhim dostupa: [http:// www.af.mil/ main/ welcome.asp](http://www.af.mil/main/welcome.asp), svobodnyj. – Zagl. s ekrana. – Jaz. angl., 01.03.17.
52. Romanov A.A., Malysheva E.V. Frame organization of kinesthetic interaction in dialogue // Massachusetts Review of Science and Technologies. – 2015, № 2 (12), (July – December), Vol. VI. “MIT Press”. – P. 431–436.

53. Romanov A.A., Novoselova O.V. Communicative Construct of the Composite Threat-performatives // *Procedia: Social and behavioral Sciences (XV International Conference «Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations»*, LKTI 2015, 9–11 November 2015, Tomsk; Russia). – 2015. – P. 71–75.

54. Romanov A.A., Novoselova O.V. Construct of threat discourse in Russian politics // *GLOBE. East-West European Forum on Discourse: Past, present and future of discourse studies*. Warsaw, 14 – 16 May, 2015. Book of Abstracts. Ed. by K. Broś & G. Kowalski. – Warsaw: University of Warsaw, 2015a. – P. 53.

55. Romanov A.A., Romanova L.A. Mimesis and performative knowledge of use social practices in the communicative space homo loquens // *Interdisciplinary Researches in The 21-st Century: Creation and Creativity in a modern European education. Conference Proceedings*. – Oradea: EdituraI universităţii Emmanuel in Oradea (Romania), 2012. – P. 322–325.

56. Romanov A.A., Romanova L.A. Composite performatives as types of social semiosis's cryptoclass // *Collection: Modern Approaches to Linguistics, Literature and Cultural Studies. Vol. 2*. – Sandy, Utah (USA); Centre for Research, Resources and European Studies: Eco Academic Publishing House, 2012a. – P. 207–214.

57. Toffler A. *The Third Wave*. – New York: Bantam Books, 1990. – 540 p.

Сведения об авторе:

Романов Алексей Аркадьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации, директор Тверского института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций (ТИПЛиМК) ТГСХА, заслуженный деятель науки РФ. romanov_tgsha@mail.ru

Romanov Aleksey Arkadievich, Doctor of Philology, Professor, Head of the theory of language and intercultural communication, the director of Tver Institute of Applied Linguistics and Mass Communications of Tver State Agricultural Academy, Honored scientist of the Russian Federation. romanov_tgsha@mail.ru